

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
hermitage2005@yandex.ru

ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ПУЛЬКИНА (на материале рассказа «Лазоревый камзол»)*

Рассматривается проблема фольклорно-литературных связей на материале творчества Виктора Пулькина. Анализируется рассказ «Лазоревый камзол» и его фольклорные источники – предания о Петре I и вытегорах. Цели статьи – проследить направления и способы литературной обработки фольклорных преданий, описать случаи перестановки смысловых акцентов в ранней и поздней версиях рассказа. Выводы исследования заключаются в следующем. Источником «Лазоревого камзола» стал цикл преданий о похищенной царской одежде, о Петре I и Обрядиных, конкретнее – текст, записанный Н. А. Криничной и В. И. Пулькиным в Вытегре в 1971 году. В рассказе сохранены основные черты фольклорного предания: композиция, последовательность мотивов, образы, лингвистический каркас, стилистика. Название «Лазоревый камзол» не зафиксировано в фольклорной традиции и представляет собой плод творчества писателя. В рассказе расставлены иные, в сравнении с фольклором, топографические акценты. При помощи более активного использования стихоподобных фрагментов, элементов просторечной, диалектной лексики, междометий усилено смеховое начало. Поздняя версия разработана подробнее, она сложнее в композиционном плане, украшена орнаментальными элементами. Под влиянием преданий об исторических лицах появляется описание внешнего облика Петра. В рассказ вводится указание на профессию рассказчика – плотник, эта деталь отсылает к биографии писателя. В поздней версии рассказа заострена оппозиция телесного и духовного, тленного и вечного, усилено звучание темы исторической памяти, запечатленной в слове.

Ключевые слова: Виктор Пулькин, фольклорно-литературные связи, предания, литература, фольклор, этнография, Петр I

Для цитирования: Петров А. М. Фольклорно-литературные связи в творчестве Виктора Пулькина (на материале рассказа «Лазоревый камзол») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 100–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.505

ВВЕДЕНИЕ

Творческая деятельность Виктора Ивановича Пулькина (1941–2008) неразрывно связана с фольклором [9], [11]. Сюжеты для своих многочисленных рассказов писатель черпал из экспедиций, предпринятых совместно с фольклористом Н. А. Криничной в 1969–1985 годах, и из материалов, зафиксированных другими собирателями¹. Среди собранных им текстов – значительная коллекция преданий. Произведения этого жанра легли в основу нескольких художественных циклов: «Кижские рассказы», «Вепские напевы», «Происхождение красоты», «Перун-трава», «Это наша с тобою земля», «Медный вершник», «Чаша мастера», «Царские персты» [4: 206], [14: 248]. Сам писатель называл свои произведения «литературным пересказом» [4: 206].

© Петров А. М., 2020

Фольклоризм В. И. Пулькина уже становился предметом внимания исследователей. Например, анализ сказочных мотивов в рассказе «Добрая поветерь» (1984) был предложен Е. М. Неёловым [8: 13–20]. Ключевые особенности творчества писателя указаны И. К. Рогощенковым [11]. Как переходное явление – на границе литературы и фольклора – прозу В. И. Пулькина в обзорной статье рассмотрел Ю. И. Дюжев [4]. Важный вклад в исследование творчества писателя внесла Н. Л. Шилова, изучившая проблему фольклорно-литературных связей на материале «Северной Фиваиды» и «Кижских рассказов» [13], [14].

Мы рассмотрим случаи художественного освоения писателем фольклорных образов на материале рассказа «Лазоревый камзол», опубликованного в сборниках «Медный вершник» (1988)²

и «Царские персты» (2002)³. Книга «Медный вершник» подготовлена совместно с Н. А. Криничной, это

«итог многолетних поисков по всему Русскому Северу преданий, которые под пером автора стали отточенными сказами и сопровождаются историческими и фольклористическими комментариями» [9: 57].

Книга «Царские персты» была опубликована в канун 300-летия Петрозаводска и посвящена юбилею города [9: 57].

Центральная тема обоих сборников – образ Петра I, широко распространенный в севернорусских преданиях. «Лазоревый камзол» открывает оба сборника и формирует их стилистическую основу, задает тон, художественный колорит. Ранее этот рассказ в свете проблемы литературно-фольклорных связей специально изучению не подвергался. Поскольку рассказ «Лазоревый камзол» публиковался дважды и его версии разнятся, мы предлагаем также сравнительный анализ этих версий. Насколько нам известно, ранее в этом аспекте проза В. И. Пулькина не изучалась.

«ЛАЗОРЕВЫЙ КАМЗОЛ» И ЕГО ФОЛЬКЛОРНАЯ ОСНОВА

Рассказ «Лазоревый камзол» восходит к преданиям о Петре I и вытегорах (нюхчанах), Петре I и Обрядинах. Сюжетная основа преданий этого цикла – похищение у Петра кафтана (камзола) вытегорами (нюхчанами). Варианты опубликованы в фольклорных сборниках⁴. Один вариант («Петр Первый и вытегоры») опубликован в сокращенном, отредактированном виде в сборнике «Легенды. Предания. Бывальщины»⁵, это дублирующий текст для № 404 «Петр Первый и Обрядины» из сборника «Предания Русского Севера»⁶, поэтому он исключен нами из выборки. Указанная группа преданий различается в деталях, но основные мотивы, положенные писателем в основу рассказа, совпадают. Главный – мотив похищения царской одежды⁷ (Предания: 268–269). По В. Г. Базанову, эти предания примыкают к группе бытовых рассказов и анекдотов о Петре I [1: 142]. Сюжет фиксировался многократно, разными собирателями на территории Русского Севера; часть текстов опубликована в периодической печати и научных изданиях, часть – хранится в архивах. Неопубликованные варианты указаны в сборниках «Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)»⁸ (Предания: 268–269, 271, 274–275). Иногда «в противовес» преданию об украденной одежде возникает предание о дареной одежде (дареном кафтане) (Предания: 187, 268); зафиксирован случай контаминации мотивов похищения царской одежды и происхождения названий Вытегра («Вы – тигры») и Охта⁹.

В нашем распоряжении имеется 19 вариантов преданий о похищении царской одежды: в сборнике «Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)» – № 17, 204, 227, в сборнике «Предания Русского Севера» – № 346, 347, 348, 369, 370, 371, 372, 386, 387, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406. Описание мотивов, которые формируют их сюжетную основу, представлено в комментариях и указателях¹⁰ (Предания: 254–277, 278–294).

Наиболее интересен для нас текст № 404 (Предания: 213–214). Это предание «Петр Первый и Обрядины», записанное в г. Вытегре Вологодской области 7 июля 1971 года Н. А. Криничной и В. И. Пулькиным (первая публикация – в сборнике «Легенды. Предания. Бывальщины»¹¹). Именно этот вариант стал прямым источником для рассказа «Лазоревый камзол». В предании рассказывается о том, как Петр, уставший посреди лесов и болот, заснул в деревне Шестовой, в трех километрах от Вытегры. Пока он спал, у него украли камзол. Когда воров нашли и привели к царю, те стали оправдываться: «...мы украли у тебя камзол, хотели себе шапки сшить, нашим детям, нашим внукам, нашим правнукам, чтобы о тебе вечно помнить, что ты здесь был» (Предания: 213). Петр простил воров и назвал их камзолниками. За вытегорами закрепилось это прозвище, а вору и всем проживающим в этой местности семьям государь дал фамилию *Обрядины*: от «обрядить» – спрятать (Предания: 324); прибирать, похищать (Царские персты: 169).

Сюжеты на «воровскую» тематику не редки в традиционной культуре. Фольклорные тексты разных жанров о воровстве обильно фиксировались собирателями [6]; само воровство как явление интерпретируется современными исследователями в качестве «универсальной мифологемы» [2]. В этом плане предание о Петре и Обрядинах плавно вписывается в номенклатуру категорий народной культуры, и этим же, вероятно, можно объяснить устойчивость предания на временной шкале.

Несмотря на видимый реалистический характер повествования, с типичной для жанра предания установкой на достоверность, в тексте обнаруживаются и некоторые элементы мифологического дискурса. К одному из важнейших магических атрибутов вора, которые, по фольклорным представлениям, обеспечивают ему такую сверхъестественную способность, как невидимость, относится *шапка-невидимка* (аналог чудесного предмета волшебной сказки) [3: 128–129]. «Шапку-невидимку рекомендовалось украсть, отнять или выменять у банника, домового, черта или лешего» [3: 128]. Можно предположить, что не случайно вор, оправдываясь, упоминает

именно *шапку*, а не какой-либо другой предмет одежды. Неудачная попытка «нашить шапок» эквивалентна неудаче, которую вор потерпел в своем ремесле.

Кража предмета одежды у спящего персонажа напоминает о краже шапки-невидимки у спящего банника [3: 129]. Совмещение функций исторического лица и мифологического персонажа типично для преданий [5: 193–220]. При этом, согласно традиционным мифологическим представлениям, кража предмета «у лиц, имеющих высокий сакральный статус», является «дополнительным средством сакрализации предмета» [12: 257]. В качестве такого лица в предании выступает царь.

Типична для народной культуры и *эвфемизация* воровского дела [3: 134]. В некоторых вариантах предания в качестве устойчивого эвфемизма выступает глагол «обрядить» (Предания: 211–214). Глагол «обрядить» иногда замещает глаголы «украсть», «похитить», «обворовать» и т. п. и далее уже прочно ассоциируется с циклом преданий о похищении царской одежды. Имеются свидетельства того, что сказители чувствуют разницу между «украсть» и «обрядить»:

«– Почему, ты зачем это украл камзол?
– А я, говорит, *не украл, а обрядил!*»¹².

В некоторых случаях употребляется глагол «спрятать» (№ 401, 403, 404 в сборнике «Предания Русского Севера»); иногда коллизия получает положительное переосмысление: «...прежде всего покрой сняли, а потом, конечно, возвратили ему» (Предания: 213). Однако мифологические мотивы получают в предании уже историческую интерпретацию: эпизод трактуется и рассказчиками, и слушателями как бытовой, без примеси мифологии. Эпизод же суда и прощения вора наполнен ироническими интонациями, свойственными народной смеховой культуре.

Композиция, последовательность мотивов и блоков мотивов, топики, лингвистический каркас, стилистика, наконец, объем варианта № 404 наиболее близки литературной версии. Приведем некоторые примеры. Оба текста (и фольклорный, и литературный) в начальном фрагменте содержат указания на отдых Петра в трех километрах (верстах) от Вытегры, в деревне Шестовой; имеется описание свиты Петра:

Фольклорный текст	Литературный текст
Ну вот, Петр, побывав здесь в тысяча семьсот одиннадцатом году, отдыхал в трех километрах от Вытегры, значит; деревня Шестова там была. Вероятно, утомили Петра и его свиту наши болота, наши леса – и Петр заснул, заснула его свита (Предания: 213).	Утомили Петра наши леса, болота. Остановился в деревне Шестовой, в трех верстах от Вытегры. Сам уснул. Свита повалилась (Медный вершник: 19).

Мотив поиска воров обнаруживает столь же значительные текстуальные совпадения:

Фольклорный текст	Литературный текст
Ну, пустились в розыски. Но наши северные деревни ведь очень небольшие. А в те времена, конечно, это было три-четыре дома, может быть, – и вся деревушка маленькая, северная, так что найти было это все легко. Ну, и быстро нашли – воров нашли и камзол (Предания: 213–214).	Свита и пустилась. Наши деревнюшки небольшие, все тут. В иной, может, три-четыре избенки. Нашли и воров, и камзол (Медный вершник: 20).

В фольклорное предание ближе к финальной части вмонтирована прямая речь рассказчика, ссылаю-

щегося на собственный опыт. В рассказе В. И. Пушкина воспроизведена и эта речевая модель:

Фольклорный текст	Литературный текст
Между прочим, знаете (вот это уже точно), я эту кличку сам испытал. В молодости-то приходилось ездить: вот со знакомыми там, значит, встретишься: «Ты откуда?» «Да вот с Вытегры еду, в Вытегре и живу, живу, значит». «Камзолник!» (понимаете?) (Предания: 187).	Это я на себе испытал. В молодости приходилось много ездить. В Питере ли, в Петрозаводске спросят: «А ты, парень, откуда сам-то?» «С Вытегры. Вытегор коренной». «Ну, дак ты – камзолник! У Петра Первого камзол обрядил!» (Медный вершник: 20–21).

Как отметил Ю. И. Дюжев, традиция изложения от первого лица унаследована В. И. Пулькиным от русской литературы XIX века,

«...когда вышедший из национальной, народной среды герой получал возможность наиболее полного

самовыражения, а роль автора ограничивалась краткими авторскими комментариями, а также предисловием или послесловием» [4: 208].

Этим, вероятно, объясняется то, что В. И. Пушкин предпочитает короткие и сверхкороткие

предложения; по всей видимости, такой синтаксис необходим писателю для имитации спонтанной разговорной речи.

Среди значимых направлений переработки фольклорного материала укажем название – «Лазоревый камзол». Эпитет *лазоревый* не употребляется ни в одном из вариантов фольклорного предания – ни в условных названиях, ни в самих текстах. Согласно рассказу, камзол этот «шелком шит, цветами-травками» (Медный вершник: 20). Такая орнаментальность чужда фольклорным преданиям. В данном случае писатель выбрал путь эстетизации фольклорного образа. Возможно, здесь сыграл роль биографический контекст: известно, что В. И. Пулькин совмещал литературную деятельность с практиками художника и сам иллюстрировал некоторые свои публикации, а в литературных текстах много внимания уделял народному декоративному творчеству.

В литературной версии раздвинуто географическое пространство: рассказчик упоминает свои поездки в *Петрозаводск*, в *Питер*. Любопытно, что в тексте, опубликованном в 1988 году, употреблено разговорное наименование *Питер* (не *Ленинград*). Думается, такая топография призвана усилить «петровский» мотив произведения: *Петр – Питер – Петрозаводск*.

Интересен и финал рассказа. Он представляет собой обращение повествователя к слушателю: «Моя-то фамилия какая? А Обрядин, пиши!» (Медный вершник: 21). В фольклорном предании этого нет. Писатель воспроизводит ситуацию записи фольклорного текста, что нельзя не связать с его большой экспедиционной работой. Эта же «стилистическая и нарративная модель» используется В. И. Пулькиным и в «Кижских рассказах» – для «совмещения фантастического и документального» [14: 253], и в основе такой модели лежат полевые записи фольклористов (с указанием рассказчика, места, времени записи), на что ранее обратила внимание Н. Л. Шилова [14: 253].

Необходимостью сохранения разговорных интонаций обусловлен и выбор писателем предания о *вытегорах*. Напомним, что на этот же сюжет имеются предания о *нюхчанах*. Но для сказовой, балагурной манеры В. И. Пулькину необходима рифма. Такую рифму обеспечивает только сочетание «Вытегоры – воры».

Сказовую, отчасти балагурную интонацию привносит в текст и междометие «Ой», нехарактерное для мужской речи и стилистически диссонирующее с суровым образом Петра. В фольклорных текстах этой реплики нам отыскать не удалось:

«– Ведь твой царев лазоревый камзол украли!

– Ой! Который шелком шит, цветами-травками? Сыскать воров, казнить!» (Медный вершник: 20).

Рассказ В. И. Пулькина опубликован, как мы отмечали, как минимум дважды. Возможны и другие – неизвестные нам – версии: особенность творческого метода писателя заключается в том, что он разрабатывал художественную тему на протяжении ряда лет, привнося в текст новые краски, расширяя или сокращая тот или иной рассказ. В связи с этим может вызвать сложности определение канонического текста. Указанная особенность, в частности, отмечена Н. Л. Шиловой на материале цикла «Северная Фиваида» [13: 473].

В более поздней версии рассказа появляются новые мотивы.

1) В завязке действия появляются новые топысы – *Белое море*, *Архангельск*:

«Шел нашим суземом – залесной стороной – Осударь в подсиверную, на Белое море. Корабли рубить в Архангельске» (Царские персты: 13).

Источниками обновленной топографии рассказа послужили, очевидно, и тексты других преданий, в которых фигурирует *Архангельск* (например, текст № 345 в сборнике «Предания Русского Севера», с. 268), и исторические сведения о пребывании Петра в Вытегорском погосте в 1693, 1694, 1702 годах проездом в Архангельск и в 1711 году «во время разысканий относительно соединения рек Ковжи и Вытегры» (Предания: 254). *Белое море* могло проникнуть в текст под влиянием преданий о Петре и нюхчанах, однако этот топоним настолько тесно ассоциируется с географией Русского Севера, что его появление было, очевидно, лишь вопросом времени.

2) Приводятся подробные сведения о деревне Шестовой:

«Там сроду лоцмана жили. Шестами полосатыми фарватер на речке, на былом Гостин-Немецком волоке мерили. Потом на Мариинском канале стали служить» (Царские персты: 13).

Сведения о Гостин Немецком волоке писатель мог почерпнуть из исторических источников или из научной литературы: «этот волок входил в состав транзитного пути из Волги в Балтийское и Белое море» (Предания: 254), «упоминается уже в писцовой книге Юрия Сабурова – 1496 г.» (Предания: 254), [7: 43]; был «затоплен при строительстве гидротехнических сооружений Волго-Балтийского водного пути» (Предания: 254). Мариинский канал (Мариинская система) многократно упоминается в преданиях о Петре; «несмотря на то, что Мариинская система... возникла только в 1810 г., сказители приписывают осуществление этой идеи Петру»¹³.

3) Появляется описание внешнего облика царя, отсутствующее в фольклорных источниках и в ранней версии рассказа:

«У царя родинка на правой щеке. Волосы – доброе чистое» (Царские персты: 14).

Особого внимания здесь заслуживает такой штрих, как *родинка* на правой щеке царя. В портретной традиции изображения Петра I нам не удалось обнаружить источников этой художественной детали; безуспешны оказались и попытки найти соответствия в кинематографе. Однако здесь возможны иные источники визуализации образа. В частности, в фольклорных преданиях об исторических лицах (в том числе о Петре I) фигурируют так называемые «царские знаки», которые «у подлинных царей являются природными, а у самозванцев – поддельными» [5: 197]. Эти знаки важны для реализации мотива узнавания царя. Можно предположить, что В. И. Пулькин опирался именно на эту фольклорную традицию, приспособив ее к нуждам собственного рассказа. По данным Н. А. Криничной, маркирование царя сакральными знаками (или талисманами, татуировками) восходит к мифологии и является более архаичным, нежели физическое, портретное описание, являющееся одним «из самых поздних завоеваний народной исторической прозы» [5: 197, 198]. Таким образом, в рассказе имитируется архаический тип повествования, хронотоп события получает мифологическую окраску.

4) Появляется указание на профессию рассказчика:

«Пильщик я. Плотник хоромный и корабельный. А надо – и шкаф сострою. Распишу цветами и травами. На все руки. А камзола – не таскивал» (Царские персты: 14).

Эта реплика отсутствует не только в первой редакции рассказа, но и в фольклорных текстах. Возможно, здесь нашли отражение подробности реальной биографии писателя, который «работал столяром, учителем рисования, журналистом, художником-дизайнером» [9: 56].

Творческой переработке в поздней версии рассказа подверглись и те мотивы, которые имелись в ранней версии. Рассмотрим некоторые случаи:

«Сам уснул. Свита повалилась» (Медный вершник: 19);

«Осударь уснул. Свита с великой усталости повалилась – как овсяные снопы» (Царские персты: 13).

Здесь и дополнительная историческая стилизация (*Осударь*), и мотивировка сна (*с великой усталости*), и обогащение художественной ткани текста образным сравнением (*как овсяные снопы*).

В диалоге Петра и вора любопытна замена писателем эпитета: *деревенский* вместо *старопрежний*:

«– Великий осударь, вели слово молвить! – самый смекалистый из них, *старопрежних* татей, вперед выступил» (Медный вершник: 20);

«– Великий Осударь! Вели слово молвить! – самый смекалистый из них, *деревенских* татей, шишей, вперед выступил» (Царские персты: 13–14).

Так фокус внимания в хронотопе рассказа сдвигается от времени к месту, актуализируется образ родины, причем она наделяется чертами некоторой идеализации: это обязательно северная деревня, населенная людьми простыми, но «смекалистыми». Это исчезнувшая родина, память о которой хранится только в преданиях.

Нейтральное *внуки-правнуки* писатель заменил оценочным *внуконыши*, включив более личный, семейно-бытовой регистр описания, добавив эмоциональности; этнографизм повествования поддержан субстантивным дублетом *шлыки-шапки*, отсутствующим в ранней версии:

«– Ведь мы чего камзол-то обрядили... припрятали! Хотели *шапок* нашить из него. И себе, и *внукам-правнукам*. Штоб, значит, помнить, как ты к нам, в зале-сье-суземье, приходил. Память-то, осударь, подороже камзола будет. Камзол, знаешь, изотрется!» (Медный вершник: 20);

«– Мы чего, думаешь, камзол обрядили? Не ради корысти, нам в нем не пахать. Хотели, знаешь, *шлыков-шапок* нашить. И себе, и *внуконышам*... Штоб помнить из века в век, как ты к нам, в суземье, захаживал. Как с нашими стариками разговоры разговаривал. Подмогу брал. Память-то, Осударь, подороже камзола будет. *Одежа изотрется. Слово останется*» (Царские персты: 14).

Кроме того, В. И. Пулькин в поздней версии заострил оппозицию *телесного* и *духовного*, *тленного* и *вечного*: «Одежа изотрется. Слово останется». При помощи парцелляции писатель дробит одно предложение на два, сталкивая части по принципу контраста (писатель по-прежнему предпочитает короткие предложения); каждый компонент здесь приобретает дополнительный смысловой акцент. Память, по мысли писателя, запечатлена в *слове*: это и само фольклорное предание о царе, и литературные тексты, ему посвященные. Так В. И. Пулькину простым решением удастся добиться большей историко-философской глубины, разноречивости текста, передать представление о неумолимо идущем времени, о «ходе веков», о ценности исторической памяти, о нетленности человеческого слова. Писатель ощущает себя

«реставратором памяти» (Царские персты: 51), «который доносит до современников заповедную красоту рожденных в северных деревеньках преданий, делает все возможное, чтобы не истаяли традиции дедов и прадедов» [4: 210].

Память – это и самое хрупкое, и самое прочное из всего, чем наделен человек:

«Нет ничего ранимее памяти. Лишь одно поколение неблагодарно забудет песни, сказки, и навсегда опустошится душа народа, возникнет угроза его существованию. Перестанет воодушевляться красотой речь.

Поколения родных людей навечно сплочены прежде всего общей памятью, ответственностью перед ней. Память хранит прошлое для настоящего и во имя наступления будущего. Нет ничего прочнее памяти. Меняется лик земли. Возникают и никнут империи. Предание вечно живо» (Царские персты: 166).

Помимо перечисленных языковых средств, в рассказе «Лазоревый камзол» ретроспекция поддерживается также средствами графическими. Например, семантически значимо написание в позднем издании слова «Осударь» с прописной буквы. Напомним, что красиво оформленный сборник «Царские персты» был подготовлен В. И. Пулькиным к юбилейной дате – 300-летию Петрозаводска. Это значимый контекст для интерпретации измененной, в сравнении с изданием 1988 года, графики. В постсоветский период – период реабилитации имперской эпохи – писатель мог исправить строчную букву на прописную ради стилизации под старинный текст. В то время в изданиях православного, патриотического, почвеннического характера именно прописная буква в слове «Осударь» была предпочтительной. В советском издании использовать прописную букву было едва ли возможно по идеологическим причинам¹⁴. Это яркий случай «окнижнения» фольклорного текста, которому, по причине его устности, графические способы выражения культурных смыслов недоступны.

В поздней редакции рассказа В. И. Пулькин при помощи эпитета *шелковая* привносит в повествование нотку лиризма, ср.:

«Петр, под *березонькой* сидючи, и задумался» (Медный вершник: 20);

«Петр, под *шелковой березонькой* сидючи, и раздумался» (Царские персты: 14).

Любопытен штрих к реплике Петра, появившийся в поздней версии:

«– Ладно уж. Берите одежду. Еще наживу. Камзолники вы этикие...» (Медный вершник: 20);

«– Ладно уж... Берите одежду, *кроите колпаки*. Еще наживу. Камзолники вы этикие» (Царские персты: 14).

Здесь добавлен наказ «Кроите колпаки», что наполнило диалог элементами иронии, тонкого, деликатного юмора, обозначило снисходительное, насмешливое отношение Петра к незадачливым вора.

Смеховое начало в поздней версии поддерживается и стихоподобными фрагментами. Так, помимо дразнилки «Вытегоры – воры», можно упомянуть и такой зарифмованный хореический сегмент: «– Вытегор деревни Шестовой. Осударю супостат прямой!» (Царские персты: 14).

В фольклорных преданиях возможность такой рифмовки представлена в зачаточном виде («Вытегоры – воры»). В. И. Пулькин развивает смеховое начало народной культуры; в его тексте усилены анекдотические мотивы. В качестве любопытной

параллели можно привести пример из творчества Б. В. Шергина, имитирующего народный стих:

Птица-синица
За море летела,
Перо уронила.
Беру перо в руки,
Пишу письмо от скуки¹⁵.

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели рассказ В. И. Пулькина «Лазоревый камзол» в свете проблемы фольклорных источников. Выводы представленного исследования заключаются в следующем.

Источником «Лазоревого камзола» стал цикл преданий о похищенной царской одежде, о Петре I и Обрядных, конкретнее – текст № 404 из сборника «Предания Русского Севера», записанный Н. А. Криничной и В. И. Пулькиным в Вытегре в 1971 году. В рассказе сохранены основные черты фольклорного текста: композиция, последовательность мотивов и блоков мотивов, образы, топики, лингвистический каркас, стилистика. Название «Лазоревый камзол» не зафиксировано в фольклорной традиции и представляет собой плод творчества писателя. В рассказе расставлены иные, в сравнении с фольклорным источником, топографические акценты: появились *Петрозаводск, Питер, Архангельск, Белое море, Гостин Немецкий волок, Мариинский канал*, что наполнило повествование исторической конкретикой. Указанные топонимы могут бытовать в народных преданиях на этот сюжет в разрозненном виде, но в рассказе В. И. Пулькина они сконцентрированы на тесном повествовательном пространстве. В его текстах усилено смеховое начало. Усиление достигается при помощи более активного использования стихоподобных фрагментов, элементов просторечной, диалектной лексики, междометий и т. п. В поздней версии рассказа появляется описание внешнего облика Петра. Предполагаемые источники визуализации образа – предания об исторических лицах. В поздней версии появляется указание на профессию рассказчика (пыльщик, плотник, способный «расписать шкаф цветами и травами»). Предполагаемый источник этой детали – личность самого писателя, который работал и столяром, и учителем рисования, и художником. В поздней версии заострена оппозиция *телесного и духовного, тленного и вечного*; существенно усилено звучание темы исторической памяти, запечатленной в слове. Версия 2002 года разработана В. И. Пулькиным подробнее, содержит больше деталей, сложнее в композиционном плане, украшена орнаментальными элементами. Это, с одной стороны, шаг в сторону от фольклорной традиции, с другой – форсирование, творческое раскрытие языковых, стилистических средств, содержащихся в фольклоре в свернутом виде. Писатель

наполняет новыми красками стершиеся образы, полузабытые мотивы. Это роднит его с художником.

В книге «Русская сказка» фольклорист В. Я. Пропп заметил: «...писатель, черпающий из сокровищницы фольклора, должен не только воспринимать народную традицию, он должен ее преодолеть» [10: 29]. Творческий путь В. И. Пулькина в этом смысле представляет собой *преодоление*. На протяжении многих лет писатель старался найти лучшую литературную форму для обработки фольклорных сюжетов. Его рассказ

«Лазоревый камзол» — это пример преодоления народной традиции, перекодировки языков и приращения смыслов; пример литературного освоения писателем традиционной культуры Русского Севера.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю искреннюю благодарность Н. Л. Шиловой, А. В. Пигину, Е. В. Захаровой, А. А. Маточкину за ценные консультации по общим и частным вопросам литературоведения и лингвистики.

* Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник. Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 6.
- ² Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник... Далее в круглых скобках будет указано: Медный вершник и через двоеточие страницы.
- ³ Пулькин В. И. Царские персты. Сказы о Петре Великом. Петрозаводск: Периодика, 2002. 176 с. Далее в круглых скобках будет указано: Царские персты и через двоеточие страницы.
- ⁴ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная; Отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1978. С. 34, 142–143, 160–161; Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 108–109; Криничная Н. А. Предания Русского Севера / Отв. ред. Ю. И. Юдин. СПб.: Наука, 1991. С. 187–188, 198–199, 211–214.
- ⁵ Легенды. Предания. Бывальщины... С. 108–109.
- ⁶ Криничная Н. А. Предания Русского Севера... С. 213–214. Далее в круглых скобках будет указано: Предания и через двоеточие страницы.
- ⁷ Северные предания... С. 224.
- ⁸ Там же. С. 216–217.
- ⁹ Там же. С. 34.
- ¹⁰ Северные предания... С. 165–220, 221–225.
- ¹¹ Легенды. Предания. Бывальщины... С. 108–109.
- ¹² Северные предания... С. 142.
- ¹³ Там же. С. 193.
- ¹⁴ По устному сообщению А. В. Пигина, указавшего на возможность этой интерпретации графики.
- ¹⁵ Шергин Б. В. Шиш Московский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 280 с.
2. Бауэр Т. В. Воровство как тотальное зло: реальность и миф // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 7 (144). С. 25–30.
3. Бауэр Т. В. Магические атрибуты вора: обеспечение невидимости (по материалам крестьянской культуры второй половины XIX – начала XX века) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 1. С. 127–138.
4. Дюжев Ю. И. На грани литературы и фольклора (о прозе В. И. Пулькина) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 206–211.
5. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. К. Соколова. Л.: Наука, 1987. 232 с.
6. Мазалова Н. Е. Колдун, вор, разбойник в произведениях русского фольклора // Университетский научный журнал. 2013. № 6. С. 112–118.
7. Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М.: Ин-т археологии РАН, 1993. 190 с.
8. Неёлов Е. М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. 124 с.
9. Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006. 304 с.
10. Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 335 с.
11. Рогощенков И. К. В. И. Пулькин // История литературы Карелии: В 3 т. Т. 3. Петрозаводск: Российская академия наук, ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 245–254.
12. Толстая С. М. Кража // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 257–258.
13. Шилова Н. Л. «Северная Фиваида» В. И. Пулькина: локальный текст и авторское начало // Рябининские чтения–2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 473–475.
14. Шилова Н. Л. Фольклорная фантастика в «Кижских рассказах» Виктора Пулькина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4: Поэтика фантастического. С. 247–261.

Поступила в редакцию 24.04.2020

Alexander M. Petrov, PhD in Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
hermitage2005@yandex.ru

FOLKLORE AND LITERARY CONNECTIONS IN THE WORKS OF VIKTOR PUL'KIN (analysis of the novel *The Azure Jacket*)*

The article analyzes Viktor Pul'kin's novel *The Azure Jacket* and its folklore sources (legends about Peter I and Vytegra dwellers) in order to dwell upon the issue of relationship between folklore and literature. The aims of the article are to trace the directions and methods of literary processing of folklore traditions, and to describe the cases of rearranging semantic accents in the early and later versions of the story. The author comes to the following conclusions: the source for *The Azure Jacket* was a cycle of legends about the stolen royal clothing and about Peter I and the Obryadin family, more specifically – the text recorded by N. A. Krinichnaya and V. I. Pul'kin in Vytegra in 1971. The literary adaptation of the story preserved the main features of the folklore text: its composition, the sequence of motifs, characters, linguistic framework, and style. The title “The Azure Jacket” does not exist in the folklore tradition and was the product of the writer's imagination. The literary adaptation also places topographic accents differently in comparison with the folklore source. With the help of more active use of verse-like fragments, elements of colloquial and dialect vocabulary or interjections the humorous cultural context of the plot was reinforced in the literary texts. The later version of the story contains more details; it has a more complicated composition and is decorated with ornamental elements. For example, the description of Peter's physical appearance is shaped by the legends about historical figures, while the indication of the narrator's profession (a carpenter) is introduced in a literary text. The source of this detail is the biography of the writer himself. The later version of the story also focuses on the opposition between the *corporeal* and the *spiritual*, between the *perishable* and the *eternal*; and enhances the theme of historical memory.

Keywords: Victor Pul'kin, folklore and literary connections, legends, literature, folklore, ethnography, Peter I

* The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his sincere gratitude to N. L. Shilova, A. V. Pigin, E. V. Zakharova and A. A. Matochkin for providing valuable consultations on general and special issues of literary studies and linguistics.

Cite this article as: Petrov A. M. Folklore and literary connections in the works of Viktor Pul'kin (analysis of the novel *The Azure Jacket*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 5. P. 100–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.505

REFERENCES

1. Bazanov V. G. Folklore of Karelia. Petrozavodsk, 1947. 280 p. (In Russ.)
2. Bauer T. V. Stealing as total evil: reality and myth. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014. No 7 (144). P. 25–30. (In Russ.)
3. Bauer T. V. Magic attributes of thieves: providing invisibility (based on peasant culture in the latter half of the 19th and the early 20th century). *Traditional Culture*. 2018. Vol. 19. No 1. P. 127–138. (In Russ.)
4. Dyuzhev Yu. I. On the border between literature and folklore (the prose of V. I. Pul'kin). *Intercultural Interactions in the Multiethnic Space of the Border Region: Proceedings of the International Conference*. Petrozavodsk, 2005. P. 206–211. (In Russ.)
5. Krinichnaya N. A. Russian folk historical prose: issues of genesis and structure. Leningrad, 1987. 232 p. (In Russ.)
6. Mazalova N. E. The characters of a sorcerer, a thief, and a robber in Russian folklore. *Humanities and Science University Journal*. 2013. No 6. P. 112–118. (In Russ.)
7. Makarov N. A. Russian North: the mysterious Middle Ages. Moscow, 1993. 190 p. (In Russ.)
8. Neelov E. M. Fairy tale, fantasy, modernity. Petrozavodsk, 1987. 124 p. (In Russ.)
9. Writers of Karelia: Bibliographic dictionary. Petrozavodsk, 2006. 304 p. (In Russ.)
10. Propp V. Ya. Russian fairy tale. Leningrad, 1984. 335 p. (In Russ.)
11. Rogoshchenkov I. K. V. I. Pul'kin. *History of literature of Karelia: In 3 vols. Vol. 3*. Petrozavodsk, 2000. P. 245–254.
12. Tolstaya S. M. Theft. *Slavic mythology: Encyclopedic dictionary*. Moscow, 2002. P. 257–258. (In Russ.)
13. Shilova N. L. *Northern Thebaid* by V. I. Pul'kin: local text and author's personality. *Ryabinin Readings – 2011: Proceedings of the VI Conference on the Study and Updating of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2011. P. 473–475. (In Russ.)
14. Shilova N. L. Folk science fiction in *Kizhi Stories* by Viktor Pul'kin. *Problems of Historical Poetics. Issue 4. Poetics of the Fantasy*. Petrozavodsk, 2016. P. 247–261. (In Russ.)

Received: 24 April, 2020